

ГРАНИЦА КАК ВИТРИНА

В Восточной Европе государственные рубежи никогда не соответствовали четким национальным границам. Кроме того, периферийные районы новых государств не только относились к числу наиболее пострадавших в ходе войны, но и считались отсталыми по сравнению со всей остальной территорией. Поэтому их интеграция и одновременно утверждение государственного суверенитета на окраинах были приоритетом для всех стран этого региона. Так, в Румынии акцент делался на «национализации» территории. Следуя французской модели национальной ассимиляции, Бухарест проводил политику румынизации недавно присоединенных областей. Однако введение в Бессарабии и Буковине румынского языка в качестве обязательного в школах и в университете в значительной мере потерпело неудачу¹. Получив Подкарпатскую Русь, традиционно находившуюся под венгерским влиянием, правительство Чехословакии стало проводить политику приоритетных инвестиций и поощрять переселение сюда чехов. Оно стремилось таким образом вырвать эту область из-под влияния соседнего государства и интегрировать ее в национальную территорию. Схожей тактики придерживался и Государственный совет Финляндии. В целях преодоления экономического отставания восточных окраин здесь с 1923 года проводилась политика ускоренного развития Карелии. Она сопровождалась мерами по укреплению патриотического духа, целью чего было сделать невозможным пересмотр границы. Так, в 1924 году ассоциация, занимавшаяся поддержкой финского национального самосознания, начала издавать ежемесячный журнал *Rajaseutu*, одна из задач которого состояла в воспитании из жителей перешейка защитников финского национального самосознания². После окончания конфликта с Советской Россией правительство Польши поощряло переселение семей ветеранов этой войны в восточные районы (кресы). «Осадники» получали там участки земли; их присутствие позволяло укрепить

¹ *Livezeanu I. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building, and Ethnic Struggle, 1918–1930.* Ithaca: Cornell University Press, 1995.

² *Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border.* New York: John Wiley & Sons, 1996. P. 170–180.

польский суверенитет в этих областях, а также создать — в непосредственной близости от противника — образцовые с точки зрения лояльности поселения. В связи с этим можно вспомнить и о военных колонистах, которых в Чехословакии селили вдоль венгерской границы. Повсюду, таким образом, шло физическое и символическое освоение приграничных районов.

Не был исключением и Советский Союз, который с 1924 года стремился укрепить свой государственный суверенитет. Однако «витрина», создаваемая им на границе, отличалась рядом особенностей. Основное внимание там уделялось не столько патриотизму, сколько подрывной теме национальной идентичности. Советское руководство строило свою политику в приграничных районах в большей степени на идеологическом, чем этническом отличии. А главное, эта политика скорее вела к выделению пограничья, чем к его интеграции с остальной территорией.

Революционная и национальная витрина в европейском контексте

20 июня 1931 года, характеризуя в письме Аристиду Бриану национальные и ирредентистские процессы на границах СССР, поверенный в делах Франции в Москве Жан Пайяр употребил техническую метафору¹: «По краям советской территории белорусскому, молдавскому, армянскому меньшинствам дается статус автономий. Это делается в расчете на то, что они станут центрами притяжения на периферии и, подобно магнитам, будут действовать на инородческое население соседних государств, не отличающихся этническим единством, готовя тем самым будущие присоединения в рамках растяжимого до бесконечности Союза»². Уже в 1924 году в провидческой статье, опубликованной в *Foreign Affairs*, Роберт Келли подробно проанализировал политику, которую сами

¹ Во французском тексте речь идет о медицинской банке, вантузе или другом устройстве, позволяющем откачивать воздух. Здесь этот термин переведен как «магнит». — *Примеч. пер.*

² Архив Министерства иностранных дел Франции (далее АМАЕФ). Экономическая и торговая переписка, Эстония. Д. 44. С. 117 (цит. по: *Leclere Y. L'appel de la Russie: les Vieux Croyants des territoires baltes de la russification à la soviétisation 1863–1953. Thèse de doctorat d'histoire, Université de Paris 1, 2006. T. 2. P. 289*).

большевики в память об истории объединения Италии определяли как «пьемонтский принцип»¹. Терри Мартин считает, однако, что этот принцип играл второстепенную роль, а создание территорий на этнической основе, описанное во второй главе этой книги, и переход к политике коренизации в 1923 году определялись задачами внутренней политики. Возможность влиять на национальные меньшинства по другую сторону границы в лучшем случае была дополнительным аргументом в пользу той особенности большевиков, которую этот исследователь называет «этнофилией». Тем не менее он не исключает того, что в определенные моменты верх могли брать внешнеполитические соображения. Так, решение о территориальном укреплении Белоруссии, принятое Политбюро в ноябре 1923 года, совпало с началом более воинственной политики в отношении Польши и попытками спровоцировать восстание среди украинского и белорусского меньшинств в этой стране. Аналогичным образом создание ex nihilo Молдавской АССР в составе Украинской ССР в 1924 году нельзя объяснить иначе чем стремлением использовать пьемонтский принцип в отношении Бессарабии. К этому следовало бы добавить до сих пор, к сожалению, почти не изученный вопрос о влиянии создания Туркменской и Узбекской ССР на антиколониальное движение в британских колониях. Возникновение республик в конце 1924 года вызвало в прессе антисоветскую кампанию, направленную против национального аннексионного ирредентизма: его воплощением, по мнению Лондона, грозили стать эти республики для британских колониальных окраин².

Моей целью здесь является развить предположение Терри Мартина о значении, которое могла иметь внешняя стратегия национальной и революционной «витрины». Прежде всего нам предстоит найти недостающее звено между советской стратегией дестабилизации ближнего зарубежья и политикой защиты национальных меньшинств, проводимой Лигой Наций³.

¹ Kelley R. F. Soviet policy on the European border // Foreign Affairs. 15.09.1924.

² ДВП СССР. Т. 8. М.: Политиздат, 1963. Док. 138, 140. С. 285, 291.

³ О действиях Лиги Наций в защиту украинского, белорусского и еврейского меньшинств, проживающих в Румынии и Польше, см.: Scheuermann M. Minderheitenschutz contra Konfliktverhütung? Die Minderheitenpolitik des Völkerbundes in den zwanziger Jahren. Marburg: Verl. Herder Institute, 2000. S. 112–140, 236–243, 465–468, 479.

Советская Россия, подвергшаяся остракизму со стороны стран-победительниц, не подписывала мирные договоры, завершившие Первую мировую войну, и не была членом Лиги Наций, которую она рассматривала в качестве «управляющего делами» крупных империалистических держав. Россия находилась в положении соперника-аутсайдера. Проявляя значительный интерес к работе женевской организации и к стимулированной ею созданием тенденции к интернационализации, то есть превращению таких вопросов, как положение меньшинств, в предмет обсуждения на международном уровне, она стремилась при этом подчеркнуть противоречия в действиях Лиги Наций и составить ей конкуренцию. Такая позиция наглядно проявилась в вопросе защиты прав меньшинств.

Этот вопрос, однако, был, казалось бы, не самым подходящим поводом для советских выступлений. Подавление восстания, вспыхнувшего в ноябре 1921 года в полутора десятках деревень в Восточной Карелии, превратило Советскую Россию в обвиняемую на международной арене. В Совет Лиги Наций поступила жалоба на нарушение Москвой принципов автономии. На рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге был вынесен вопрос о том, являются ли статьи 10 и 11 советско-финского мирного договора, касающиеся автономии Восточной Карелии, международным обязательством со стороны СССР. В апреле 1923 года Палата вынесла решение о неподсудности, ссылаясь на то, что Советский Союз не подписывал иных международных соглашений, кроме двустороннего договора¹. За этим последовала публикация противоречащих друг другу изданий: «белой книги» в Хельсинки и «красной книги», подготовленной Наркоминделом. С точки зрения Москвы, чей тон и действия отличались значительной свободой, карельский вопрос являлся ее внутренним делом и не касался международного сообщества, контролируемого странами-победительницами.

Этот эпизод, однако, не помешал Советской России год спустя выступить в выгодной для себя роли защитницы национальных меньшинств в Восточной Европе. Для этого существовал ряд благоприятных предпосылок. Во-первых, политика белорусизации

¹ О Карелии см.: AMAEF. Russie-Europe. Vol. 614–615.

и украинизации, проводимая соответственно в БССР и УССР, производила хорошее впечатление на зарубежных сторонников предоставления меньшинствам автономии. Во-вторых, новая процедура подачи жалоб, введенная в Лиге Наций 5 сентября 1923 года, вызвала поток петиций на имя Совета, который поручал рассмотрение каждого случая трем своим членам. В 1924 году пика достигли жалобы от немецких и еврейских меньшинств, а также, в меньшей степени, от украинских организаций; все они жаловались на действия польского и румынского правительств, которые были связаны условиями соглашений о меньшинствах, сопровождавших Версальский мирный договор¹. Обвинения в адрес Варшавы и Бухареста транслировались Германией и СССР, которые со времен Рапалло поддерживали отличные отношения и были одинаково враждебно настроены по отношению к Версальскому договору. На советско-британской конференции, открывшейся после установления дипломатических отношений между двумя странами, советская сторона выступила в роли главной защитницы права на самоопределение и заявила о намерении бороться за равенство народов в Европе². Эти заявления были растиражированы советской и коммунистической прессой. Москва поддержала федеративный принцип при строительстве югославского государства и выступила в защиту Болгарии и ее прав на Добруджу. Критикуя Лигу Наций за то, что та отстаивала интересы государств в ущерб национальным меньшинствам, СССР представлял себя в роли защитника последних. В качестве примеров нарушения права на суверенитет приводились случаи, затрагивавшие советские интересы: прежде всего речь шла об украинском населении Восточной Галиции и жителях Бессарабии, которым румынское правительство отказывало в праве на референдум. Эти два случая, в которых Москва разыгрывала одновременно карту интернационализации и национального восстания, заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее.

¹ *Scheuermann M.* Minderheitenschutz contra Konfliktverhütung? S. 236–243, 465–468, 479. Еще один пик пришелся на 1930 год, когда после введения чрезвычайного положения во Львовском, Станиславовском и Тарнопольском воеводствах в Совет Лиги Наций вновь стали поступать многочисленные петиции и жалобы: *Bergmann F.* La Pologne et la protection des minorités. Thèse de droit. Paris: Librairie Rodstein, 1935. P. 164–167.

² ДВП СССР. М.: Политиздат, 1962. Т. 7. С. 418–426.

С советской точки зрения Восточная Галиция являлась украинской территорией, незаконно переданной Польше, которая не соблюдала автономию этого региона, несмотря на соответствующее решение сейма, принятое 26 сентября 1922 года. Большевики склонялись к тому, чтобы взять на вооружение националистические аргументы Евгения Петрушевича, уроженца австро-венгерской Галиции, адвоката, еще до 1914 года ставшего депутатом Галицкого сейма. Находясь в изгнании в Вене, он возглавил Западно-Украинскую народную республику после провала ее недолгого союза с Украинской народной республикой (УНР) Симона Петлюры. Петрушевич активно боролся против окончательного включения в состав Польши Восточной Галиции, имевшей временный статус. Дело в том, что граница, возникшая в результате победы Пилсудского над Красной армией, не была закреплена Версальским мирным договором. Присоединение Восточной Галиции Польшей ставило под вопрос линию Керзона, основанную на этническом принципе, и потому вызывало многочисленные возражения на международном уровне. Тем не менее на конференции послов, состоявшейся 15 марта 1923 года, верх взяла французская точка зрения — этот регион был окончательно передан Польше с рекомендацией предоставить ему в силу особых «этнографических условий» режим автономии¹.

Из-за невозможности продолжать борьбу на дипломатическом фронте украинцы перешли к повстанческим действиям². Расценив принятое в марте решение как предательство со стороны союзников, украинские организации в изгнании обратились за помощью к Берлину и Москве. Как об этом свидетельствует принятая 13 ноября 1923 года резолюция Политбюро, именно тогда было увеличено советское финансирование украинского национального движения:

Продолжать субсидировать Петрушевича при условии, если в его штабе будет наш представитель. Повысить его ежемесячную субсидию

¹ Там же. Т. 6. С. 345; *Bergmann F.* La Pologne et la protection des minorités. P. 161; *Horak S.* Poland and her National Minorities, 1919–1939. New York: Vantage Press, 1961. P. 58–59.

² *Korzec P.* The Ukrainian Problem in Interwar Poland // *Ethnic Groups in International Relations* / Ed. P. Smith. New York: New York University Press, 1991. P. 187–209.

до 1500 долларов. В дальнейшем повысить ему субсидию еще больше после проверки его. Принять предложение Сидорина. Иметь в виду возможность его субсидирования.

Проверить справки Тютюнника об его организации в Галиции. В случае его солидности считать возможным оказание ему материальной поддержки. Поручить это тов. Фрунзе.

В целях проверки всех организаций секретно вводить в них наших людей.

<...> Выяснить роль Геровского. Поручить тов. Калюжному выяснить положение всех партий в Прикарпатской Руси¹.

Речь шла о настоящей стратегии, направленной на проникновение в русско-украинские политические и повстанческие круги. ГПУ достаточно легко удавалось установить там контакты, как свидетельствуют упомянутые в процитированном выше документе имена. Юрий Тютюнник, один из самых известных атаманов Гражданской войны, во времена Петлюры сражался с большевиками во главе группы войск УНР, а после 1921 года, находясь на территории Польши, продолжал приграничные атаки против Советской России. Будучи арестован летом 1923 года, он согласился сотрудничать с ГПУ. Уроженец Буковины Алексей Геровский, правовед, эксперт по австро-венгерским вопросам в российском Временном правительстве, после революции жил в Подкарпатской Руси, где выступал за защиту православной и русской идентичности от чешского влияния, пока в 1927 году его не выслали в Сербию и не лишили чехословацкого гражданства. Казачий генерал Владимир Сидорин в годы Гражданской войны сражался под командованием Деникина, но был обвинен в сепаратистских действиях в пользу донского казачества и лишен права носить мундир русской армии; в эмиграции жил в Болгарии, Сербии, а затем Чехословакии. Мы не знаем, что именно он предложил Москве. Все эти люди находились в положении маргиналов и испытывали большие материальные трудности, что делало их потенциально восприимчивыми к предложению работать одновременно на свои идеи и на Москву.

¹ Предложение комиссии Политбюро по международным делам (вопрос о галичанах). Протокол № 45, 13 нояб. 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 28.